

МЕЗЕНСКИЕ ПОМОРЫ НА ВОЕННОМ ФЛОТЕ. XVIII ВЕК

В России XVIII век начался и закончился войнами. В них была вовлечена значительная часть мужского населения страны. Не миновали этой участи и мезенские поморы.

Начало века — это время Петровских реформ, более чем двадцатилетняя война со Швецией, войны с Турцией, Персией, военный поход в Среднюю Азию, строительство Петербурга и многих военных объектов, создание регулярной армии и флота... Всё это потребовало величайшего напряжения всей страны. Особенно тяжело приходилось рядовому россиянину — русскому мужику. С него драли три шкуры, его облагали всё новыми и новыми повинностями. И одной из самых тяжких из них была рекрутчина — набор в солдаты.

Рекрутские наборы следовали один за другим, ибо война требовала солдат. Мужик уходил на службу на 25 лет, практически лишился всех прав при жесточайшей дисциплине. Краевед-историк А. Новиков в книге «Лешуконье» по этому поводу пишет: «До места (службы. — В. Д.) рекрутов доставляли в окопах, кормили очень скудно, содержали отвратительно, как арестантов, ночёвки им организовывали в тюрьмах. Поэтому многие умирали в дороге, а больше сбегали и уже никогда не возвращались домой. Чаще все эти беглые пополняли шайки бродяг и разбойников»¹.

За побеги наказывали строго и снова отправляли в рекруты. Так, при наборе поморов на флот в конце 1714 года были возвращены «из бегов» 12 человек. С беглыми рекрутами царь требовал обходиться жестоко. В указе 1714 года говорилось, что находившиеся в беггах и не явившиеся с повинной после поимки «кажнены будут смертию, а у кого они жили, и те лишены будут своих пожитков и сосланы на каторгу».

Для формирования экипажей военных кораблей неоднократно производился призыв поморов, имеющих опыт плавания на море.

В указе 1714 года Пётр I предписывал: «Господин вице-губернатор. Послан от нас капитан-поручик Румянцов для набора в матрозы у Города, також в Сумском остроге, на Мезени и в других местах, где есть лутчие работники, которые ходят на море за рыбным и звериным промыслом на качах, морянках и протчих судах, которых надо пятьсот человек, и чтоб оные были не стары и не увечны, а, имянно, чтоб не были летами более как по тридцать лет»².

Когда читаешь этот указ, не покидает чувство двойственности: с одной стороны, жестокие условия сопровождения рекрутов к месту службы, с другой — забота о них: «И как он, Румянцов, оных наберёт, тогда отправьте его с теми матрозами сюда, удовольствовав их в дорогу провиантом, також по рассмотрению и денгами, дабы они без нужды в пути были, також для поклажи, провианту и рухледи дайте им от города до города хотя на десять человек по лошади».

По более раннему указу (1713 года) набор производился в декабре 1713 — январе 1714 годов. По нему из Мезенского уезда (территория нынешних Мезенского и Лешуконского районов без Совпольского куста и поморских деревень) в рекруты взято было 50 человек. Из них 19 имели опыт плавания к Груманту (Шпицберген), возраст от пятнадцати до тридцати лет. Тридцать человек в возрасте от семнадцати до тридцати лет участвовали в промыслах на морского зверя у острова Моржевца. Всего же по тому набору с побережья Белого моря ушло 326 молодых поморов³. А всего в первой половине 1714 года было взято на флот с архангельского севера 436 человек.

В конце 1714 года по второму указу было призвано 504 помора. Из них с Мезени — 35. Имён их пока мы не знаем, хотя в архиве они, возможно, сохранились. А вот те, кто ушли на флот по первому указу, известны нам поимённо. Назовём самого молодого из них — это 15-летний житель Окладниковой Слободы «Савва Захаров сын Вараксин, на море бывал на Груманте и в Новой Земле на кочех». Значит, в свои, по нынешним меркам, очень молодые годы, он уже зимовал и на Груманте, и на Новой Земле, ибо туда плавали на промысел с зимовкой⁴. Как-то сложилась его судьба потом: стал ли он военным моряком, отслужил ли свои четверть века на российском флоте? А может, погиб, выполняя волю царя, не познав по-настоящему вольной жизни.

Трудна была служба солдатская. Но нелегко было и семьям, оставшимся без кормильца. Вопрос этот применительно к Мезени довольно глубоко исследовал Н.А. Новиков. Уже в названной книге он приводит ряд записей из переписной книги 1716 года:

«Деревня Пылема. Во дворе нищая вдова Корниловская жена Меланья Наумова дочь 36 лет ходит по миру, муж ея Корнило Карпов взят в солдаты в 712...»

«Деревня Некрасоконская. Двор пуст Дениса Мартынова сына Кляпова, он взят в матрозы, жена умре...»

«Деревня Койнаская. Во дворе салдатская жена Елисавет Киприянова дочь 47 лет, муж ей Герасим Васильев взят в салдаты, у ней сын Александр умре в 714 году, она ходит по миру скитаецца...»⁵

И так далее.

Но дворы пустели, конечно, и по другим причинам. Переписчик, подводя итог своей работе, записал: «А запустели те дворы... в разные годы измерли, а иные от хлебной скудности (голода. — В. Д.) съехали в Сибирские города и безвестно, а другие взяты в салдаты и в матрозы, о чём писано в сей книге под теми пустыми дворами имянно». А по подсчётам вологодского историка П.А. Колесникова, в годы Петровских реформ в Сибирь ушла из Поморья почти половина крестьян⁶.

Такой была плата солдату за его службу Отечеству. И когда мы говорим о патриотизме и мужестве русского воина, о верности его присяге, наверное, не надо забывать и о том, сколь несладкой была его служба, какие жертвы приносил он и его семья, выполняя рекрутскую повинность. А говоря о реформах Петра I, не грешно помнить о том, какой ценой они дались России, русскому народу, который потерял за это время более четверти своей численности. На Севере прекратили существование многие промыслы, в том числе соляной. Экономика была разбалансирована, чиновники годами не получали жалование, что повело к росту коррупции.

Известный русский историк В.О. Ключевский, говоря о положении народа в период царствования Петра I, писал: «Тягости войны, рекрутские поборы, новые подати и повинности вызывали всякие уклонения, массовые побегии в вольные казацкие степи, а перегоны на отдалённые казённые работы, гонения бороды и старого платья, наплыв и начальство немцев, разные строгости и притеснения от начальства раздували ропот против бояр, князей и самого царя...»⁷

Мезенские мужики пополняли военный флот на протяжении всей его истории. Свидетельством тому и документы, связанные с именем канонира Семёна Ружникова. Один из них приведём дословно: «Объявитель сего бывший в Азовской флотилии морской артиллерии канонир первой статьи Семен Иевлев Ружников в службу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА взят города Мезени деревни Нижней Березницкой из государственных крестьян 1758 году, от которой за оторванием пушечным выстрелом выше кисти правой руки в силу государственной Адмиралтейств-коллегии указа по невыслужению указанных двадцати пяти лет тем же чином вечно оставлен и по желанию его отпущен для жительства в помянутую деревню на свое с отцом Иевлем и братом Никифором Ружниковыми пропитание от роду ему сорок первый год, а приметамы он Ружников росту большого лицом бел и оное все от обжигу порохом синевато глаза серые волосы на голове темно-русые, которому в бытность его в отставке никому обид и притеснений не чинить но паче за службу его оказывать всякое благодеяние, а дабы он по миру не ходил и об определении в службу или делании ради пропитания не просился и нигде кроме деревни Нижеберезницкой празно не шатался, а вел себя благопристойно, и по отличке от таких людей кои в службе не были, бороду брил платье немецкое и шпагу носил, о том обязан подпискою и во уверение чего и сей ашпит за подписанием моим и с приложением конторы Таганрогского порта печати дан в благополучном Таганрогском порте июля 30 дня 1781 года»⁸.

Это ашпит, выданный отставному канониру, своего рода проходное свидетельство, которое удостоверяло, что матрос отпущен на родину, с ним он должен явиться в Мезени к уездным властям. Что мы узнаём из этого документа?

1781-й год — время борьбы России с Турцией за обладание Крымским полуостровом. Канонир Семён Ружников ранен в бою и досрочно отправляется домой. Судя по всему, он был взят в рекруты восемнадцати лет, отслужил 23 года и направляется «на пропитание к отцу и брату». Семён Иевлев сын навечно зачислен на службу, обязан носить военную форму. Обид и притеснений к нему никто чинить не должен, «но паче за службу его оказывать всякое благодеяние». Он вести себя обязан пристойно, по миру не ходить, на службу и на работы не проситься. Жить он должен был только в своей Нижеберезницкой деревне, и нигде, кроме неё.

Такова суть ашпита. Следующий документ — паспорт «для свободного его до Мезени пропуску».

О чём свидетельствует этот документ?

Помимо того, что в нём повторяются сведения о предъявителе документа канонире Семёне Ружникове, сообщаются условия, при каких он должен следовать домой — и только домой, в Мезень. «...Господа командующие в городах и на заставах и в прочих местах благоволя до города Мезени чинить свободный пропуск, и не только нигде его к житью не принимать, но и во время прохода на ночлегах более трех суток под таким же штрафом, как о беглых узаконено, не держать, а велеть следовать прямо в город Мезень...»⁹ Вроде бы свободный человек, отслужил, получил ранение и уволен из армии, ан, нет — воли тебе нет.

В архиве также сохранилось сообщение командующего Азовской флотилией и Таганрогским портом генерал-майора Петра Кислицева в Мезенский уездный суд (суд — нижняя расправа, исполнял функции администрации уезда) о том, что в Мезень прибудет раненый канонир Семён Ружников «для жительства в означенную деревню (Нижеберезницкую. — В. Д.) к его родственникам»¹⁰. Сие письмо было подписано в Таганроге «июля 30 дня 1781 года», в Мезени в нижней расправе рассмотрено «октября 13 дня». В журнале суда записано: «...отставной от службы морской артиллерии канонир Семен Ружников в Мезенской нижней расправы явится, тогда о житье в той деревне с отцом и братом такоже и о нехождении по миру и в прочем, что надлежит обязать подпискою, а о получении отрапортовать»¹¹.

Отставной канонир в Мезень прибыл, в суде отметился, но правила, коим должен был подчиняться, выполнял не всегда. И власти не раз потом занимались этим делом. Досыта нахлебавшись солдатчины, отдав империи и престолу лучших двадцать три года своей жизни, отвыкший от крестьянского труда и не имеющий ни семьи, ни дома, лишённый права паниматься на службу или к кому-то на работу, Семён Иевлев сын вынужден был начинать жизнь в деревне заново.

Его мать Марфа, дочь крестьянина из Лампоженской слободки Ивана Табуева, умерла ещё в 1778 году. А вскоре, в 1783 году, не стало и отца. Младший брат Фома к тому времени тоже умер, брат Никифор — средний — переселился в соседнюю деревню Погорелец «по наследству жены своей» Агриппины Баковой. Кстати, от него и пошла фамилия Ружниковых в той деревне.

Отставной канонир женился на Ксении Шмаковой из соседней деревни Козьмогородской, построил дом. Однако и здесь ему не повезло. Детей у них с Ксенией не народилось, дом сгорел. Сам Семён Иевлев сын Ружников дожил до 80 лет. Как были прожиты им после службы оставшиеся 27 лет, мы можем только догадываться¹².

И ещё один факт, связанный с военными моряками — мезенскими поморами. При разработке проекта экспедиции Чичагова на Шпицберген для поиска северо-восточного прохода через Северный океан на восток в С.-Петербург в 1754 году была приглашена группа поморов, в том числе и мезенцев, плававших на Грумант. С ними беседовали организаторы экспедиции для знакомства с опытом плавания в полярных морях, с ними встречался Ломоносов. С этой же целью были вызваны военные моряки — наши земляки. Это были Илья Сивцев из Ревеля, Дмитрий Дранников, Киприян Куренгин и другие из Кронштадта¹³.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что мезенцы внесли свой вклад в создание и боевую славу российского военного флота на всём протяжении XVIII века. Об этом свидетельствуют и те несколько фактов, о которых шла речь выше.

¹ Новиков А.В. Лешуконье, XV–XIX вв. История края. — Архангельск, 2003. С. 126–127.

² Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 621. Л. 84 — 84 об.

³ Там же. Л. 41–44.

⁴ Там же.

⁵ Новиков А.В. Лешуконье, XV–XIX вв. История края. — Архангельск, 2003. С. 127.

⁶ Колесников П.А. Путешествия в родословия. — Вологда, 1997. С. 100.

⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. IV. — М., 1989. С. 357.

⁸ ГААО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 41. С. 224.

⁹ Там же. С. 223.

¹⁰ Там же. С. 221.

¹¹ Там же. С. 222.

¹² ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 2669. Л. 218.

¹³ Старков В.Ф., Овсянников О.В. Грумант — земля далёкая и близкая // Патриот Севера. Историко-краеведческий сборник. — Архангельск, 1985. С. 186.